

На стыке цивилизаций¹

Источник: Соловьев В.М. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный / В.М. Соловьев. – 4-е изд., испр. и дополненное. – М.: Русский язык. Курсы, 2009 – с. 22 – 25

Стоя одной ногой в Европе, а другой в Азии, Россия вобрала в себя черты и западной, и восточной цивилизаций. Она явилась наследницей и гордой Византии, и свирепой Золотой Орды, что не могло не отложиться в русском человеке, не сказаться на русском характере.

В мировой истории Россия сыграла роль своеобразного щита Европы. Ведь это она приняла на себя главный удар бесчисленных полчищ хана Батыя в XIII в. Это она после долгих и кровопролитных войн сокрушила непобедимую Оттоманскую империю и избавила Юго-Восточную Европу от турецкого рабства.

На Россию легла основная тяжесть двух мировых войн XX в. Именно Россия в Первую мировую войну понесла самые значительные людские потери. Причём, если бы русская армия не пришла на помощь союзнической Франции, жертв с русской стороны было бы значительно меньше, но тогда Париж был бы захвачен войсками кайзеровской Германии. А во Второй мировой войне народы СССР потеряли примерно 50 миллионов человек, если считать и убитых, и замученных, и умерших от ран, голода, холода и лишений.

Россия заплатила по счетам истории очень высокую цену. Русский народ выстрадал право быть счастливым, жить достойно и безбедно, но пока он может об этом только мечтать. И одна из причин коренится в самом русском человеке, в вековой привычке винить в своих бедах кого угодно — лишь бы не себя самого

Никто, как русские, так не спасал других.

Никто, как русские, так сам себя не губит.

В этих строках современного поэта Евгения Евтушенко схвачена одна из доминирующих особенностей национальной психологии: пренебрежение своими интересами, действия в ущерб себе во имя некой великой и благородной, но на поверку чаще всего весьма призрачной цели.

Согласно известному политическому афоризму каждый народ имеет ту власть, то правительство, которых заслуживает. Несмотря на то что в русских очень высока концентрация мудрости, нравственной чистоты и духовного величия, отнюдь не носители этих качеств обычно пробиваются наверх. Люди порядочные, душевные, с благородным сердцем и ясным умом, как правило, во все времена не преуспевали в жизни, в должностях, в богатстве, но, что ещё хуже, не мешали и не препятствовали негодьям и проходимцам, невеждам и мерзавцам рваться к власти.

Более тысячи лет русское общество почти целиком было крестьянским. И 200 лет привилегированные слои общества считали крепостное состояние земледельцев естественным. Только Отечественная война 1812 г., в ходе которой многие русские крестьяне участвовали в разгроме французов (а во время заграничного похода русской армии его участники на деле увидели демократические порядки в ряде стран Европы), побудила группу молодых офицеров (декабристов) к протесту против того, что царская власть держит русского крестьянина в положении, близком к положению раба, а также против того, что всем в стране управляет бесконтрольно один человек.

В начале XIX в. расхождение между правительством и обществом в сознании русского дворянства своеобразно перешло в конфликт чести и долга, рельефно раскрытый Пушкиным в «Капитанской дочке». Нарушение кодекса благородного человека неизбежно вело к потере доброго имени, к утрате нормального нравственного самочувствия и на

¹ Текст приводится в полном объеме. Какой фрагмент выбрать для работы с учащимися – на усмотрение учителя

протяжении всего столетия неминуемо вызывало презрение и моральное осуждение и в частной, и в общественно-политической жизни, и в искусстве.

Образ идеального дворянина формировался на основе рациональной иерархии социальных и моральных ценностей, где высокому положению человека в обществе должны соответствовать высокие нравственные качества, почитающиеся общечеловеческими добродетели — храбрость, честность, образованность...

Низкий культурный уровень основной массы дворянства вовсе не ставил под сомнение высокое предназначение дворянского сословия, а лишь заставлял выдвигать на первый план проблему воспитания человека, достойного своего общественного статуса.

Дворянская культурная элита под девизом «Кому много дано, с того много спросится» осуществляла своеобразный социальный эксперимент, добиваясь от соотечественников соответствия прекрасным, но умозрительным по своему происхождению идеалам.

Главным в воспитании ребёнка в дворянской семье было то, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Он должен был стать храбрым, честным, образованным не для того, чтобы достичь славы, богатства, высокого чина, а потому что дворянин должен быть именно таким. И резкая критика дворянства дворянскими же писателями — Фонвизиним, Пушкиным и другими — обычно обрушивалась на тех, кто не соответствовал этому идеалу, не выполнял своего высокого предназначения. Чуть ли не главной добродетелью считалась дворянская честь, являвшаяся основным законом поведения, безусловно преобладая над любыми другими соображениями (выгода, успех, безопасность и даже рассудительность). Граница между честью и бесчестьем порой была чисто условной, доказательством чему были дуэли, поводом к которым зачастую служили лишь светские предрассудки. Но постоянная угроза смертельного поединка накладывала свой отпечаток на весь стиль поведения. Человек должен был привыкнуть отвечать за свои поступки. Крайне повышалась цена честного слова. Нарушивший его навсегда губил свою репутацию, потому поручительство под честное слово было абсолютно надёжным. Дворянин мог, признавая свою непоправимую вину, дать честное слово застрелиться и выполнял обещанное. В обстановке повышенной требовательности и одновременно подчеркнутого доверия воспитывались, например, будущие декабристы.

Когда честь была основным стимулом деятельности, то ориентиром в поведении человека становились не результаты, а принципы. Дворянский кодекс чести требовал думать не о практических последствиях поступка, а о его этическом значении.

Порой следование нормам дворянской этики даже вступало в противоречие с государственными законами и влекло за собой немалые неприятности, ставя дворянина как бы меж двух огней: законами своего сословия и государства. Та же дуэль была официально запрещена и уголовно наказуема. Согласно известному парадоксу офицер мог быть изгнан из полка «за дуэль или отказ от неё». В первом случае он попадал под суд, во втором — офицеры полка предлагали ему подать в отставку.

Однако жизненный успех человека чести понимался не столько как внешнее благополучие, сколько как его внутреннее состояние: чистая совесть, высокая самооценка, обострённое чувство собственного достоинства. Историк В.О. Ключевский отмечал особый яркий колорит таких людей: «Изменившаяся ли семейная среда, из которой они выходили, или свойство пережитых впечатлений сообщили им особый характер, особый отпечаток. Большею частью то были добрые и образованные молодые люди, стремившиеся быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побуждениями и глубоко возмущались при встрече с каждой, даже самой привычной, несправедливостью, на которую равнодушно смотрели их отцы...». Это были благородные, «хорошо воспитанные молодые люди, з которых жизнь ещё не опустошила юношеских надежд, в которых первый пыл сердца зажёг не думы о личном счастье, а стремление к общему благу».

Не вина, а беда русского народа в том, что, не сопротивляясь диктату власти, он не единожды становился объектом исторических экспериментов, которые приходилось расплачиваться, когда непосильным изнурительным трудом, когда жизнью и кровью.

Трагическую диалектику роковых взаимоотношений народа и власти в России хорошо сформулировала писательница Зинаида Гиппиус (1869—1945): «Чем власть диче, чем она больше себе позволяет — тем ей больше позволяют».

Властные структуры в России преимущественно работали на себя, паразитируя на народном теле, тогда как призваны служить обществу.

Такое особое и привилегированное положение власти в известной мере опирается на традицию снизу. Один из интересных российских феноменов — существование в разные времена обширного слоя людей, ничего не желающих, живущих в качестве разного рода прихлебателей, приживалов, вечных иждивенцев, откровенных лодырей, содержать которых, по разумению русского человека, божье дело.

И в любой крестьянской общине, помимо инвалидов, одиноких стариков, вдов и сирот, оставшихся без кормильца, непременно были и отъявленные лентяи, мнимые больные, горькие пьяницы, на которых тоже распространялась мирская забота и которые не только без зазрения совести, но и как должное и естественное принимали помощь и поддержку коллектива. Так что известная русская пословица «Один с сошкой — семеро с ложкой», вероятно, первоначально имела в виду не чрезмерно раздутую администрацию, которую приходилось содержать работающему человеку, а тех, кто уклонялся от труда в общине.

Поэт Максимилиан Волошин (1877—1932), трагически переживавший исторические судьбы своей родины, оставил о России такие строки:

Кто ты, Россия? Мираж, наважденье...

Была ли ты, есть или нет?

Омут, стремнина, головокруженье...

Бездна, безумие, бред?..

В этой поэтической формуле передано экзистенциальное начало России, которое нашло отражение и в русской философии: сочинениях Василия Розанова, Павла Флоренского, Дмитрия Мережковского, Семёна Франка, Сергея Булгакова, но в первую очередь — в трудах родоначальников экзистенциализма Николая Бердяева и Льва Шестова.

Личное и общественное, историческое и вселенское, земное и космическое, реальное и потустороннее соединились в русском человеке в одно целое, поставив его отчасти на грани, отчасти за гранью бытия.